

В. Г. Пидгайко *

Епископ Владимиро-Волынский и Ковельский Мануил (Тарнавский) в истории украинских церковных разделений 1941–1943 годов

В годы Великой Отечественной войны не только многие рядовые клирики оккупированных территорий России, Украины и Прибалтики, но и некоторые архипастыри стали жертвами насилия. Среди них экзарх Латвии и Эстонии митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский)¹, убитый близ Вильнюса в 1944 г., экзарх Украины, митрополит Волынский и Житомирский Алексей (Громадский)² и епископ Мануил (Тарнавский), погибшие от рук украинских националистов на Волыни в 1943 г. Каждый из них, несмотря на давление со стороны оккупационных властей, до конца своих дней сохранял верность Московскому Патриархату.

С именем Мануила (Тарнавского), епископа Владимиро-Волынского, связано восстановление самостоятельной Владимиро-Волынской епархии. Епископ Мануил (в миру Северин Иванович Тарнавский) родился 14 февраля 1904 г. в селе Бурдяковцы современного Борщевского района Тернопольской области, был крещен в местной униатской церкви (в течение почти 2 столетий на родине епископа Мануила господствовала уния, насильственно вытеснившая исконное православие). Стремясь стать священником, Северин Тарнавский поступил в униатское духовное училище при базилианском Креховском монастыре под Львовом, которое успешно окончил. В 1928 г. Тарнавский поступил на пастырские курсы по подготовке клириков для планировавшейся польскими иезуитами неоунии — предполагаемых приходов восточного обряда в непосредственной юрисдикции римско-католической Церкви Польши. Курсы функционировали при Пинской римско-католической семинарии, инициатором их открытия был монастырь иезуитов восточного обряда в местечке Альбертин³. Окончив курсы в 1930 г., Тарнавский не стал священником неоунии, поскольку там требовались лишь целибатные клирики. По воспоминаниям племянницы епископа Мануила Л. В. Любинецкой,

* © Пидгайко В. Г., 2010

Владимир Георгиевич Пидгайко, специалист по истории православия на Украине.

некоторое время Тарнавский преподавал в Станиславской духовной семинарии (современный Ивано-Франковск), готовился защитить диссертацию в униатской Львовской богословской академии⁴.

В начале 1930-х гг. Северин Тарнавский познакомился в Варшаве с украинским историком и богословом, преподавателем богословского факультета Варшавского университета профессором И. И. Огиенко⁵. При каких обстоятельствах произошла эта встреча, неизвестно, но именно после бесед с Огиенко, как утверждает Любинецкая, Тарнавский твердо решил перейти в православие. В воспоминаниях секретаря епископа Мануила в 1940-х гг. протоиерея Тихона Войны, опубликованных в изложении митрополита Феодосия (Процюка)⁶, сказано, что присоединение Северина Тарнавского к православию было совершено по благословению митрополита Варшавского и всея Польши Дионисия (Валединского)⁷ 12 сентября 1932 г.⁸ При этом Тарнавский поменял имя Северин на Михаил (его второе имя от рождения). В 1932–1933 гг. Тарнавский учился на богословском факультете Варшавского университета, где преподавал Огиенко, в марте 1933 г. был рукоположен во диакона, в августе того же года — во иерея.

Для своего служения Михаил Тарнавский выбрал Волинь. Богослужбную практику он с марта 1933 г. проходил в кременецкой Николаевской церкви, приписанной к кременецкому Богоявленскому мужскому монастырю, где служил сначала диаконом, а с августа 1933 г. — вторым священником. После завершения практики о. Михаил был назначен настоятелем прихода в селе Батьков (современный Радивилковский район Ровенской области). Эти сведения, сообщенные Любинецкой, подтверждаются документами Волинской духовной консистории. 17 июля 1936 г. о. Михаил получил назначение на должность окружного миссионера 4-го благочиннического округа Дубенского уезда⁹, 3 декабря 1936 г. был перемещен в село Жуковцы Луцкого уезда¹⁰. Здесь молодого пастыря ждала неожиданность: польские власти перестали платить ему жалованье за преподавание Закона Божия в местной школе. Позже оказалось, что Михаил Тарнавский значился у них в списке нелояльных, украинофильски настроенных священников Волинского воеводства. Только благодаря ходатайству со стороны архиепископа Волинско-Кременецкого Алексия (Громадского) о. Михаилу возобновили выплату жалованья в 1937 г.¹¹ Репутация украинского националиста за Михаилом Тарнавским удерживалась и позже. Причинами этого были его активная публицистическая деятельность и проповедничество. В 1935–1938 гг. он опубликовал около 20 работ в официальном органе Волинско-Кременецкой епархии журнале «Церква і на́рід», напечатал ряд статей в журнале «Шлях» — печатном органе православного общества имени св. Петра Могилы, действовавшего в Луцке. Отдельные его проповеди публиковались также в луцкой газете «Українська нива».

В 1939 г., после того как Волинь вошла в состав Украинской ССР, о. Михаил вместе с архиепископом Алексием (Громадским) перешел в юрисдикцию Московского Патриархата. Священник был переведен в Воскресенскую церковь в селе Горка-Полонка Луцкого района, в начале 1940 г. к его приходу

присоединили также церковь села Баев Луцкого района. В 1940–1941 гг. протоиерей Михаил Тарнавский после ареста некоторое время находился в Луцкой тюрьме, перед началом войны был освобожден. Очевидно, именно по этой причине в период оккупации он называл себя «недомученной жертвой НКВД»¹².

В начале Великой Отечественной войны Владимир-Волынский епископ Поликарп (Сикорский)¹³ уклонился сначала в самочиние, затем в раскол. Он объявил себя Луцким архиереем и включил о. Михаила и протоиерея Владимира Мисечко в состав клира кафедрального Свято-Троицкого собора в Луцке. В декабре 1941 г. была организована Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ), которую возглавил Поликарп (Сикорский), самопровозглашенный «Луцко-Ковельский архиепископ» (с февраля 1942 г. «митрополит Луцкий и Ковельский»). Протоиерей Михаил Тарнавский, как и многие другие волыньские священники, присоединился к Поликарпу. По инициативе Поликарпа о. Михаил (к тому времени овдовевший) переехал в Киев, где принял монашеский постриг.

20 апреля 1942 г. Поликарп направил письмо тогдашнему управляющему Киевской епархией УАПЦ Чигиринскому епископу Никанору (Абрамовичу)¹⁴, в котором советовал при подборе ставленников на епископские кафедры отдавать предпочтение «волыньским проверенным кандидатам». В том же письме Поликарп рекомендовал для хиротоний двух волыньских вдовых протоиереев, постриженных в монашество, — архимандритов Фотия (Тимощука)¹⁵ и Мануила (Тарнавского)¹⁶. Последние, прибыв в Киев в начале марта 1942 г., служили в качестве штатных клириков в Андреевской церкви, ставшей кафедральным собором УАПЦ. Фотий и Мануил провели переговоры с объявившейся в Киеве при немецкой оккупации группой «липковцев»¹⁷, после чего 19 марта 1942 г. так называемое представительство УАПЦ В. Липковского в Киеве объявило о вхождении в юрисдикцию Поликарпа (Сикорского), признав Чигиринского епископа Никанора (Абрамовича) своим архиереем. Вместе с «липковцами» 21 марта 1942 г. епископы УАПЦ Никанор (Абрамович) и Игорь (Губа)¹⁸ совершили в Андреевской церкви первую службу со времени передачи ее немецкой администрацией. Кроме того, при протекции немцев они посетили Софийский собор. Об этих событиях архимандрит Мануил напечатал статьи в газете «Волынь» (от 5 апреля 1942 г.), издававшейся тогда в Ровно под редакцией С. Скрыпника. Впрочем, общение Мануила (Тарнавского) с «липковцами» было непродолжительным.

9 мая 1942 г. в Андреевской церкви открылся «Второй архиерейский собор УАПЦ», проходивший без участия Поликарпа, который поручил председательство на соборе своему заместителю Никанору (Абрамовичу). Собор, очевидно, был созван в ответ на проведенный 30 апреля 1942 г. 3-й Почаевский Собор Автономной Украинской Церкви, который охарактеризовал УАПЦ как секту, осудив евхаристическое единение ее епископов с «липковцами», и объявил весь епископат автокефалистов безблагодатным. Согласно первому же решению Киевского собора УАПЦ от 9 мая 1942 г., в Андреевской

церкви 10 мая состоялась хиротония архимандрита Фотия (Тимошука) во епископа Черниговского и Нежинского. Он был направлен служить в занятый автокефалистами храм в Чернигове. В тот же день Киевский собор епископов УАПЦ принял решение, в соответствии с которым 11 мая в Андреевской церкви была совершена хиротония архимандрита Мануила (Тарнавского) во епископа Белоцерковского, викария Киевско-Чигиринской епархии УАПЦ. Первые несколько недель после хиротонии Мануил (Тарнавский) служил в Андреевской церкви. Об этом храме он опубликовал статью в ровенской оккупационной газете «Волынь»¹⁹. В письме от 22 мая 1942 г., адресованном редактору газеты А. Мисечко, Мануил просил последнего зарезервировать на газетной полосе место для его проповедей, произносимых во время богослужений в Андреевской церкви²⁰.

До сих пор неясно, служил ли Мануил в Белой Церкви. В воспоминаниях о. Тихона Войны говорится, что Мануил покинул юрисдикцию УАПЦ, так и не побывав в Белой Церкви²¹. Однако Любинецкая утверждает, что Мануил все же служил там некоторое время. Примечательно, что в Белой Церкви с 10 февраля 1942 г. временно находилась кафедра Уманского викарного епископа Киевской епархии УАПЦ Игоря (Губы)²². После назначения туда Мануила Игорь (Губа) лишился приходов Белоцерковского района и переехал из Белой Церкви в город Умань Черкасской области. Это подтверждается и одним из последующих решений Киевского собора УАПЦ, по которому Уманский епископ Игорь (Губа), временно находившийся в Белой Церкви, был переведен с Уманской кафедры в Полтаву, где была открыта епархия УАПЦ. Однако Игорь (Губа) от этого назначения отказался и остался на своей кафедре — сначала в Белой Церкви, а затем в Умани в качестве епископа Уманского. Вряд ли между Мануилом (Тарнавским) и Игорем (Губой), который вместе с Никанором (Абрамовичем) рукополагал Мануила во епископа, возник конфликт из-за пребывания в Белой Церкви²³. Скорее всего Мануил (Тарнавский) решил, следуя примеру Игоря (Губы), отказаться от назначения и остаться в Киеве.

Киевский собор епископов УАПЦ своими провокационными и противоречивыми решениями оттолкнул многих клириков. Наибольшие споры вызвало постановление № 15 от 17 мая 1942 г., которым Почаевский Собор Автономной Церкви от 18 августа 1941 г. объявлялся самочинным сборищем, а его постановления — необязательными для исполнения, этим же решением духовенству УАПЦ предписывалось не иметь молитвенного единения с клириками Автономной Церкви «до тех пор, пока те не покаются и не вернуться в юрисдикцию своего канонического митрополита Дионисия (Валединского)». Последнего собор УАПЦ, ссылаясь на томос Константинопольского Патриарха от 13 ноября 1924 г., постановил «считать местоблюстителем Киевской митрополии до проведения Всеукраинского Поместного Собора»²⁴. Тем самым была подведена черта под окончательно свершившимся фактом раскола православия на Украине. Очевидно, именно это решение Киевского собора помогло епископу Мануилу понять, что политика Поликарпа (Сикорского) и его окружения делит православную Церковь на Украине, как

он выразился, «на два враждебных и больных организма». Именно такой тезис лег в основу письма Мануила, направленного Поликарпу, который не принимал участия в работе Киевского собора, в силу чего Мануил решил апеллировать именно к нему²⁵. На вполне справедливые выводы о неправильности курса Поликарпа наталкивало многих и распространявшееся в этот же период среди духовенства УАПЦ «Открытое письмо» митрополита Алексия (Громадского) от 6 июня 1942 г., адресованное главе УАПЦ. В этом письме раскрывался неканонический характер деятельности Поликарпа и его лже-епископов.

О том, когда именно и при каких обстоятельствах Мануил (Тарнавский) покинул УАПЦ, точных данных нет. Бывший секретарь администрации УАПЦ при Поликарпе (Сикорском) в 1941–1944 г. И. Власовский указал лишь приблизительную дату (июль 1942 г.), утверждая, что разрыв с Поликарпом произошел из-за отказа Мануила ехать в Белую Церковь, а также из-за выдвинутых Мануилом к Поликарпу требований личного характера, суть которых Власовский не раскрыл²⁶. По словам Власовского, Поликарп вынес дело епископа Мануила на рассмотрение продолжавшего свою работу в Киеве собора УАПЦ, но Мануил решил не ждать развязки и поспешил покинуть УАПЦ, направив перед тем покаянное письмо митрополиту Алексию (Громадскому). Однако никаких документальных свидетельств автор не приводит, что заставляет усомниться в достоверности сообщаемых сведений. Известно только то, что до 8 июля 1942 г. Белоцерковскую кафедру формально (но не фактически) окормлял Мануил (Тарнавский), а 8 июля она вновь перешла под управление Уманского епископа Игоря (Губы). Сохранилась ссылка на указ от 8 июля 1942 г., которым приходы УАПЦ в Белоцерковском районе, в связи с тем что Белоцерковская кафедра стала вакантной, передавались под надзор сквирского благочинного протоиерея Александра Юзефовича (до войны псаломщика в Кременецком районе Тернопольской области), подчинявшегося Уманскому епископу УАПЦ Игорю (Губе). Первым действием протоиерея Александра после назначения стал сбор денег и продовольствия для нужд немецкой армии среди прихожан УАПЦ в Белой Церкви²⁷.

В скором времени митрополит Алексий (Громадский) возглавил в Почаевской лавре хиротонию Мануила (Тарнавского) во епископа Владимиро-Волынского, викария Волынской епархии. Дату хиротонии — 22 июля 1942 г. — указывает в своем справочнике митрополит Мануил (Лемешевский)²⁸, ссылаясь на 2 источника из своего личного архива: «Дополнение к обновленческому каталогу епископа Сергия (Ларина)²⁹» и «Рукописный фонд архиепископа Мануила (Лемешевского)». Дата представляется вполне достоверной. Она подтверждается воспоминаниями протоиерея Тихона Войны, где указано, что за подписью митрополита Алексия (Громадского) епископу Мануилу было выдано удостоверение от 30 июля 1942 г., в котором говорилось: «Предъявитель сего Его Преосвященство Мануил (Тарнавский) действительно является епископом Владимиро-Волынским, викарием Волынской епархии»³⁰. На следующий день после хиротонии Мануила

(Тарнавского)³¹ в Почаевской лавре другой волынский вдовый протоиерей, постриженный в монашество, архимандрит Евлогий (Марковский)³² был хиротонисан во епископа Винницкого и Подольского.

В силу обстоятельств оккупационного времени на свою кафедру владыка Мануил был направлен не сразу, он прибыл во Владимир-Волынский в 20-х числах августа 1942 г., одну из первых служб совершил на праздник Успения Богоматери в Успенском кафедральном соборе. Именно тогда он обратился к верующим с воззванием, приуроченным к 950-летию Владимирской кафедры и празднику Успения Богородицы. Мануил сообщил о своем назначении на кафедру по воле митрополита Алексия, призвал паству хранить верность канонической правде и оберегать церковное единство. Также владыка сожалел по поводу «несогласий, которые возникли между православными по вопросу внутреннего церковного устройства»³³.

По-видимому, после присоединения Мануила к Автономной Церкви, происшедшего в июле 1942 г., руководство УАПЦ не имело достоверных сведений о нем: 3 августа 1942 г. (за день до перерукоположения Мануила в сан епископа) Киевский собор епископов УАПЦ на своей последней сессии принял постановление о «несубординации, проявленной епископом Мануилом (Тарнавским) в отношении владыки-администратора УАПЦ митрополита Поликарпа (Сикорского)». Этим постановлением епископу Мануилу предписывалось «исполнить свою обязанность и наречение и немедленно выехать к месту своего назначения в Белую Церковь»³⁴. В противном случае ему угрожали запретом в священнослужении и церковным судом. Через 1,5 месяца, 6 октября 1942 г., Луцкий собор епископов УАПЦ постановил запретить в священнослужении двух епископов, вышедших из подчинения Поликарпу, — Мануила (Тарнавского), бывшего Белоцерковского, и Фотия (Тимощука), бывшего Черниговского (последний был принят в Автономную Церковь как иерей, без назначения на отдельный приход).

Тот же собор утвердил постановление об объединении УАПЦ с Украинской Автономной Церковью, которое позже было передано в Почаев на подпись митрополиту Алексию (Громадскому). Владыка Алексей 8 октября 1942 г. в Почаевской лавре вместе с представителями УАПЦ подписал это соглашение, названное «Актом единения». Митрополит Алексей поверил обещаниям представителей УАПЦ, что при объединении каждая сторона останется автономной, самостоятельной в своем управлении и что обе стороны смогут помогать друг другу в сложных условиях военного времени. Не исключено, что имело место и давление на митрополита Алексия со стороны УАПЦ. Один из участников подписания соглашения, тогдашний «епископ Переяславский» УАПЦ Мстислав (Скрышник)³⁵ упоминал о той сложной обстановке, в которой шли переговоры: «Мы решили послать к владыке Алексию делегацию — владыку Никанора (Абрамовича) и меня. Меня всегда посылали, если надо было идти напролом. Прибыв к нему, мы его убеждали. Спрашивали: украинец ли он, любит ли свой народ, хочет ли свое имя навсегда оставить в истории украинского народа или же хочет навеки остаться предателем и т. д. И он после долгих колебаний согласился»³⁶.

Архиереи Автономной Церкви, на которых опирался митрополит Алексей, убеждали его, что соглашение обернется обманом, что храмы экзархата будут захватываться автокефалистами и начнется новое обострение противостояния, которое будет выгодно гитлеровцам. Именно так впоследствии и произошло. Как свидетельствует И. Власовский, Поликарп в нарушение условий акта поспешил объявить в соборе Луцка, что Автономной Церкви уже не существует, что создана единая «автокефальная церковь»³⁷. Он даже написал письмо соответствующего содержания луцкому гебитскомиссару, в котором утверждал, что после подписания соглашения хиротонисанный Алексием (Громадским) епископ Луцкий и vikарий Волынско-Житомирской епархии Иов (Кресович)³⁸ уже не имеет права управлять приходами в Луцком и Ковельском округах и все подчинявшиеся ранее Иову приходы должны перейти в его, Поликарпа, юрисдикцию. В частности, Поликарп потребовал от настоятеля единственного храма автономистов в Луцке — Свято-Покровской церкви — протоиерея Иоанна Давидовича немедленно подчиниться его власти. Епископ Иов (Кресович) сразу обратился к луцкому гебитскомиссару Путцу с официальным разъяснением по этому поводу. В письме от 3 декабря 1942 г. владыка Иов, в частности, обвинил никого иного как Поликарпа в нарушении пункта 5 «Акта единения» и в срыве достигнутого в Почаевской лавре соглашения: «Утвержденный в Почаеве “Акт единения” распространяется не только на епископов, но и на все духовенство. Пока он не отменен и действует до сих пор. Этот акт официально еще не вошел в силу. Кроме того, его не утвердило немецкое ведомство. Между тем митрополит Поликарп продолжает самовольно подчинять себе всю Луцко-Ковельскую округу и тем самым нарушает пункт 5 Почаевского акта. Пункт 5 четко указывает, что епархиальные кафедры будут распределены между епископами уже на первом объединительном Соборе... Поликарп свой титул митрополита Луцкого и Ковельского присвоил самочинно, без какого-либо согласования ни с митрополитом Дионисием, ни с митрополитом Алексием. В свете вышесказанного все сводится к следующему: пока немецкая власть не признает объединение двух церковных направлений действительным, до тех пор Поликарп не имеет прав на управление Церковью в Луцко-Ковельской округе как не получивший утверждения от митрополита Алексия»³⁹.

Позже под давлением епископов Автономной Церкви митрополит Алексей дезавуировал свое участие в соглашении. 15 октября 1942 г. владыка заявил, что данный акт был лишь проектом объединения и нуждается в пересмотре и доработке. Во многом это заявление стало следствием той твердой позиции, которую занимал епископ Мануил. После получения от Алексия (Громадского) официального уведомления о состоявшемся подписании объединительного акта епископ Мануил категорически отказался выполнять его распоряжения и в своем обращении к митрополиту Алексию назвал объединение с УАПЦ «бесчинством» и «нарушением канонов». По воспоминаниям протоиерея Тихона Войны, владыка Мануил даже собирался выйти из подчинения Алексию (Громадскому) и создать вместе с бывшим Черниговским епископом УАПЦ Фотием (Тимощуком), переехавшим осенью 1942 г.

в пригород Владимира-Волынского поселок Заречье, новое церковное образование, которое сохраняло бы верность Московскому Патриархату. Фотий (Тимощук), предлагая Мануилу такой вариант, даже будто бы добился поддержки этого плана со стороны немецких властей. Хотя Мануил и Фотий не пошли на создание нового образования, которое должно было стать одной из форм противления расколу, но именно их протест против объединения был особенно острым⁴⁰. Под давлением епископов-автономистов, справедливо выступавших против провокационных действий Поликарпа, митрополит Алексей в своем циркуляре № 3605 от 15 декабря 1942 г. окончательно отказался от объединения с автокефалистами и отозвал свою подпись с «объединительного» соглашения, объявив о его отмене⁴¹. Тогда же по требованию епископов Автономной Церкви митрополит Алексей порвал все отношения с автокефалистами. Владыка еще не знал, что этим подписывает себе смертный приговор. Неслучайно в письме Поликарпа митрополиту Алексею от 20 января 1943 г. наряду с констатацией того факта, что епископат Автономной Церкви не поддержал «согласительный» акт, содержалось жесткое требование объединиться с УАПЦ и «не сходить с того пути, который был выбран в Почаеве 8 октября».

Неканоничность и бесчинные поступки автокефалистов обличал и епископ Мануил. Владыка неоднократно критиковал их в своих воззваниях к духовенству и мирянам, рассылавшихся по епархии, но позже немцы запретили ему это делать, чтобы, по словам протоиерея Тихона Войны, не нагнетать напряженность в церковной жизни Волыни. Обладая хорошими организаторскими способностями, владыка Мануил основал при Успенском соборе во Владимире-Волынском курсы для подготовки священников, диаконов и псаломщиков с 6-месячным сроком обучения (по образцу тех, которые он организовал при Свято-Троицком соборе в Луцке, будучи в УАПЦ). Также новый архиерей в 1942 г. учредил и возглавил комиссию из представителей местного духовенства, проверявшую знания кандидатов в священники. Владыка Мануил в 1942–1943 гг. лично экзаменовал и рукоположил во иереев нескольких псаломщиков: Никифора Олийчука (выпускника пастырских курсов УАПЦ в Луцке), Бориса Саковского (выпускника Кременецкой школы псаломщиков), мужа своей сестры Тихона Войну, который в ноябре 1942 г. был хиротонисан во иерея и назначен секретарем Владимир-Волынского епархиального управления, и др.

8 мая 1943 г. по дороге из Кременца в Дубно, в Дубенском районе Ровенской области, в субботу украинскими националистами был убит митрополит Алексей (Громадский). Как показали последующие события, убийство владыки Алексия было выгодно прежде всего немецким оккупантам, а также руководству УАПЦ. По мнению историка М. Коваля, главными инициаторами этого преступления являлись администратор УАПЦ Поликарп (Сикорский) и его викарий Мстислав (Скрыпник), которые в то время были очень близки к Организации украинских националистов (ОУН) и которые, по-видимому, пытались таким образом отомстить Алексею (Громадскому) за его отказ от объединения с УАПЦ⁴².

Через месяц после гибели митрополита Алексия, 6 июня 1943 г., в Ковеле был созван архиерейский Собор для выборов Первоиерарха Автономной Церкви. Речь шла не о назначении нового главы Церкви, а об избрании Первоиерарха православных епархий Волынского-Подольского округа в связи с тем, что в Соборе участвовали далеко не все архиереи-автономисты, например отсутствовали управляющие Полтавской, Черниговской, Винницкой и другими епархиями юга и востока Украины, которые относились к другим генеральным округам. В работе Собора участвовали епископы Дамаскин (Малюта)⁴³, Иов (Кресович), Иоанн (Лавриненко)⁴⁴ и Мануил (Тарнавский). По свидетельству бывшего настоятеля собора в Дубно протоиерея Владимира Ковальского, присутствовал также епископ Феодор (Рафальский)⁴⁵, а протоиерей Тихон Война, бывший секретарем на Соборе, называл в числе участников также Львовского епископа Пантелеимона (Рудыка)⁴⁶, временно управлявшего Киевской епархией⁴⁷. Впрочем, присутствие последнего на Соборе следует поставить под сомнение. Архиепископ Каменец-Подольский и Брацлавский Дамаскин (Малюта) был избран «старшим епископом Волынского-Подольского генерального округа» с титулом «архиепископ Волынский и Подольский». Примечательно, что незадолго до Ковельского Собора, по словам протоиерея Тихона Войны, немецкие оккупационные власти предлагали Мануилу возглавить Автономную Украинскую Православную Церковь, на что тот не согласился. Когда со стороны Мануила последовал отказ, на должность старшего епископа Волынского-Подольского округа немцы рекомендовали архиепископа Дамаскина (Малюту). Также немцы поручили епископу Мануилу написать «Положение об управлении Автономной Православной Церковью», чем владыка и занимался, докладывая о проделанной работе немецкой военной комендатуре в Луцк. Такое поручение было дано Мануилу, поскольку он хорошо владел немецким языком. Примечательно, что немцы тщательно контролировали религиозную ситуацию на Волыни. В частности, на Ковельском Соборе Автономной Православной Церкви, согласно циркулярному сообщению Волынской духовной консистории, присутствовал официальный представитель от генерал-комиссариата Волынского-Подольского округа⁴⁸.

Кроме избрания нового Первоиерарха Ковельский Собор епископов Автономной Церкви уже на второй день своей работы, 7 июня 1943 г., постановил, что Волысько-Житомирской епархией управляют 3 викарных епископа с правами правящих на территории своих областей: бывший Луцко-Ковельский епископ Иов (Кресович) был переведен на Кременецкую и Дубенскую кафедру «с правами самостоятельного в своей области» и стал 1-м викарием, Мануил (Тарнавский) был назначен 2-м викарием — епископом Владимиро-Волынским и Ковельским (также с правами самостоятельного архиерея)⁴⁹, третьим волынским викарием с правом управления своей областью являлся Ровенский епископ Феодор (Рафальский)⁵⁰. Таким образом, для Владимиро-Волынской кафедры Ковельский Собор Автономной Церкви имел важное историческое значение: 7 июня 1943 г. была учреждена самостоятельная Владимиро-Волынская и Ковельская епархия вместо Владимиро-Берестейской епархии, разгромленной униатами еще в 1625 г.,

а в 1891–1918 гг. существовавшей в качестве Владимир-Волынской викарной кафедры в составе Волынско-Житомирской епархии. Резиденция епископа Мануила сохранилась при Успенском соборе во Владимире-Волынском, епархиальная консистория разместилась при Воскресенском соборе в Ковеле, который стал вторым кафедральным городом владыки Мануила.

В начале августа 1943 г. к епископу Мануилу приехал Переяславский епископ УАПЦ Мстислав (Скрыпник), потребовавший беседы «с глазу на глаз». Мстислав убеждал Мануила вернуться к автокефалистам, в противном случае угрожал расправой⁵¹. Спустя недолгое время угроза была приведена в исполнение. В конце августа или в начале сентября 1943 г. епископ Мануил был похищен неизвестными людьми из своей резиденции при Успенском соборе во Владимире-Волынском. Клирики, близкие к епископу, священники Тихон Война и Тит Яковкевич оставили воспоминания о недолгом периоде служения владыки Мануила во Владимире-Волынском с подробным описанием обстоятельств, предшествовавших его гибели. Одни и те же события в их воспоминаниях интерпретируются по-разному. В конце 1942 г. епископ Мануил уволил с должности настоятеля Успенского кафедрального собора во Владимире-Волынском пожилого протоиерея Евгения Коноплянку, который плохо владел украинским языком и проповедовал по-русски. Владыка назначил на его место настоятеля церкви в селе Микуличи Владимир-Волынского района протоиерея Тита Яковкевича, который в своем приходе служил и проповедовал по-украински, имел связи в украинских национально-патриотических общественных организациях Владимира-Волынского, но при этом не поддерживал главу УАПЦ Поликарпа (Сикорского), оставаясь в подчинении митрополита Алексия (Громадского). Вполне естественно, что протоиерей Тит Яковкевич оценивал свой перевод как свидетельство «украинского патриотизма» епископа Мануила, отмечая, что это перемещение владыка произвел по требованию владимир-волынского общества «Просвіта», давно прошившего уволить из собора «москвофила» Евгения Коноплянку, и этим поступком владыка завоевал доверие к себе среди украинской общественности Владимира-Волынского⁵².

Иначе это решение Мануила оценил священник Тихон Война. Он писал, что данное перемещение произошло после того, как члены контролируемой фашистами владими́ро-во́лынской городской управы направили епископу Мануилу меморандум, требуя назначения настоятелем собора Тита Яковкевича, сын которого священник Николаевской церкви во Владимире-Волынском Борис Яковкевич был членом городской управы. Предыдущий настоятель собора протоиерей Евгений Коноплянку был переведен на место Яковкевича в село Микуличи Владимир-Волынского района. Данный вопрос был согласован с немецкими властями, а епископ Мануил вынужден был исполнить это требование вопреки своему желанию. Евгений Коноплянку переехал в отдаленное село Микуличи, где вскоре был похищен и убит неизвестными вооруженными людьми, по всей вероятности бандеровцами. Эту трагическую смерть, как свидетельствует Тихон Война, епископ Мануил болезненно переживал до конца своих дней, считая себя ее непреднамерен-

ным виновником. Между тем такие убийства на Волыни в период оккупации и в послевоенные годы были довольно частыми. В частности, еще один видный клирик в юрисдикции епископа Мануила — секретарь Ковельского епархиального управления протоиерей Ипатий Червинский — в начале 1943 г. был застрелен неизвестными на одной из улиц в Ковеле. Ранее протоиерей Ипатий получал многочисленные угрозы со стороны представителей ОУН.

По словам Тита Яковкевича, владыку Мануила поздно ночью похитили молодые люди в немецких военных шинелях. О. Тит, впусивший их в епископскую резиденцию при Успенском соборе (где жил и сам), говорит, что сначала принял их за поляков, вооруженные формирования которых тогда чинили жестокие расправы над украинцами, однако незнакомцы свободно говорили по-украински. Они стали уверять его, что пришли с добрыми намерениями и что владыка им нужен только для разговора. Тит Яковкевич пропустил их в покои епископа Мануила, где они имели краткий разговор с архиереем. Священник Тихон Война приводит факт, который Тит Яковкевич в воспоминаниях опустил. Он свидетельствует, что незнакомцы после разговора с Яковкевичем ворвались к Тихону Войне и его матушке Надежде в соседнюю комнату и пригрозили физической расправой, требуя, чтобы их немедленно провели в келью епископа, расположенную на втором этаже архиерейского дома. При этом, по словам протоиерея Тихона, о. Тит Яковкевич успокаивал его, говоря, что это свои и что они ненадолго. Хотя время было позднее, Тихон провел незнакомцев к епископу. Через некоторое время они вывели епископа Мануила из кельи. Как пишет Тит Яковкевич, владыка был встревожен и сказал им с Войной на прощание: «Оставайтесь с Богом, может быть, еще увидимся. Меня еще не расстреляют»⁵³. Однако уверенности в его голосе не было. Оба очевидца в своих воспоминаниях подчеркнули, что епископ предчувствовал скорую смерть: с каждым из них он очень тепло попрощался, как будто понимал, что видит их в последний раз.

По данным Тита Яковкевича, владыку вывели к реке Луге рядом с его резиденцией, переправили на лодке на другой берег, где ждала подвода, на которой эти «украинские партизаны», как их назвал о. Тит, перевезли владыку в близлежащий лес⁵⁴. По его сведениям, епископа Мануила увезли в сторону села Зимно. О селе Зимно как месте убийства владыки также сообщает со ссылкой на устные свидетельства и бывший участник ОУН Григорий Стецюк⁵⁵. Однако на основании других свидетельств можно сделать вывод, что владыку доставили на одну из баз партизан-бандеровцев в Турийском районе⁵⁶. По словам Тита Яковкевича, никаких личных сообщений от владыки Мануила во Владимир-Волынский после его похищения не поступало.

Немецкие власти уже в сентябре 1943 г. провели обстоятельное расследование похищения епископа Мануила, но исполнителей так и не нашли, хотя по подозрению в причастности к похищению были арестованы многие люди. Так, на следующий день после исчезновения епископа Мануила протоиерей Тит Яковкевич заявил в гестапо о ночном происшествии. Там с его слов написали подробный протокол. Как признавал протоиерей Тит, он предстал невольным виновником гибели Мануила, ведь именно он открыл дверь

похитителям. Затем ходил в гестапо для дачи показаний о Тихон Война, который, по мнению о. Тита, оклеветал его. В тот же день Тит Яковкевич был арестован, на следующий день были арестованы его сын и несколько видных представителей интеллигенции Владимира-Волынского. Всех их держали в городской тюрьме около 2 месяцев. По предположению о. Тита, немцы удерживали их в качестве заложников, так как долгое время оставалась надежда, что епископ Мануил жив и что похитители его освободят.

О. Тихон Война писал, что к нему в Успенский собор через неделю после похищения епископа Мануила тайно приходил бандеровец, в целях конспирации переодетый женщиной. Он передал письмо, написанное почерком епископа Мануила, где содержалось указание забрать из кассы епархиальной консистории в Ковеле 10 тыс. марок, которые с посланцем необходимо было передать для «Украинской повстанческой армии» (УПА). Тихон Война, подозревая подвох, не стал выполнять это требование и доложил о происшествии немецким властям⁵⁷. Со свидетельством Тихона Войны перекликаются и факты, приводимые в воспоминаниях Тита Яковкевича: «Про владыку Мануила партизаны (т. е. бандеровцы. — В. П.) сначала по определенным соображениям пустили известие, будто он жив и здоров, даже посещает приходы, служит в церкви и так далее». В свете приведенного выше сообщения Тихона Войны мотивы такой дезинформации становятся понятны: фабрикуя и рассылая указы, исходящие якобы от имени епископа Мануила, бандеровцы надеялись получить для своих нужд церковные деньги.

Приблизительно через месяц после похищения (в октябре или ноябре 1943 г.) ОУН распространила листовки о том, что епископ Мануил за измену Украине, за сотрудничество с гестапо приговорен «полевым судом украинских повстанцев» к смертной казни через повешение. Следует отметить, что первое краткое сообщение об аресте епископа Мануила, произведенном «по решению службы безопасности ОУН», и о казни архиерея по решению полевого суда и революционного трибунала ОУН за «измену украинскому народу» поместила на первой полосе подпольная газета политического отдела ОУН «До зброї»⁵⁸, которая издавалась в одной из подпольных типографий бандеровцев на Волыни. В чем состояла «измена» архиерея, не объяснялось. О. Тит Яковкевич приводит сведения, почерпнутые им, очевидно, от тех, кто непосредственно был причастен к этому судилищу: «Как позже оказалось, владыку судили, потому что нашлись против него неправдивые свидетели, которые оклеветали его, и приговорили владыку к смерти через повешение. Приговор был исполнен в течение восьми дней от начала его пребывания в лагере партизан»⁵⁹.

После получения известия о гибели владыки Мануила приходы Украинской Автономной Церкви во Владимир-Волынском, Ковельском и других сопредельных районах были включены в юрисдикцию владыки Иоанна (Лавриненко), епископа Брестского и Полесского (его титул был изменен на «Ковельский и Брестский»), который не имел постоянного местопребывания в Ковеле, проживая в Бресте, но распоряжался и церковными делами на северо-западе Волыни, так как его епархия, как и Ковель с Владимиром,

также входила в Волынско-Подольский округ. Община же Успенского собора во Владимире-Волынском, где оставался служить священник Тихон Война (протоиерей Тит Яковкевич сразу после своего освобождения из тюрьмы уехал в Варшаву), в конце 1943 — начале 1944 г. находилась в юрисдикции УАПЦ. По словам В. Рожко, бывший Днепропетровский архиепископ УАПЦ Геннадий (Шиприкевич)⁶⁰ в связи с перемещением линии фронта на запад прибыл в Луцк в распоряжение Поликарпа, который в декабре 1943 г. назначил его епископом Владимир-Волынским⁶¹. Если данный факт действительно имел место, то получается, что кафедральный храм Владимир-Волынской епархии — Успенский собор — уже к декабрю 1943 г. перешел в ведение УАПЦ.

В последние десятилетия появились новые свидетельства, проливающие свет на обстоятельства гибели владыки Мануила. В 1990-х гг. были рассекречены документы фонда «Организации украинских националистов», хранящегося в бывшем партийном архиве в Киеве, в том числе и «дело епископа Мануила», которое велось службой безопасности ОУН. В деле помимо других материалов содержится сообщение службы безопасности ОУН и УПА № 64 от 25 сентября 1943 г., в котором говорится, что епископ Мануил, обвиненный в сотрудничестве сначала с НКВД, а потом с гестапо, решением трибунала ОУН от 11 сентября 1943 г. был приговорен к смертной казни через повешение и «после утверждения приговора соответствующими структурами» приговор привели в исполнение 25 сентября 1943 г. (копия этого документа сохранилась также в фонде материалов ОУН в Государственном архиве Волынской области)⁶². В приговоре и сообщении о его исполнении особо подчеркивалось, что «подсудимый Мануил» — это «епископ Автономной Церкви, подчиненной Москве»⁶³.

Поскольку сначала приговор епископу Мануилу некоторыми членами ОУН оспаривался, служба безопасности ОУН провела свое недолгое расследование. В ходе «следствия» епископ Мануил (по всей видимости, под пыткой) согласился с обвинениями в свой адрес, признав, что именно он написал предъявленные ему оригиналы и копии доносов в немецкую полицию. В данном вопросе не все ясно. Во-первых, зачем епископу Мануилу понадобилось направлять во владимир-волынское отделение гестапо по почте несколько письменных доносов, если он мог иметь личные контакты с представителями немецких властей, так как хорошо знал немецкий язык? Во-вторых, почему по его доносам никто не был арестован? На эти вопросы судьи ОУН, по всей видимости, не пытались искать ответы, ограничившись кратким заявлением о том, что якобы всем упомянутым в доносах жителям Владимира-Волынского чудом удалось спастись. В-третьих, откуда у следователей ОУН взялись копии и даже оригиналы (!) доносов, будто бы направленных епископом Мануилом в гестапо? Суд выяснил, что их передал вахмистр немецкой жандармерии Владимира-Волынского, который являлся агентом службы безопасности ОУН. Это заявление кажется весьма сомнительным. Скорее всего оригиналы и копии доносов были сфабрикованы самими членами ОУН непосредственно во время суда.

Епископу Мануилу приписали донос, якобы отправленный им 5 августа 1943 г. в городскую полицию безопасности (СД) Владимира-Волынского, об антинемецкой деятельности 6 человек, участвовавших в работе местного общества «Просвіта», а также в работе новообразованного «Украинского церковного совета Владимира» — враждебной по отношению к епископу Мануилу организации, созданной во Владимире группой прихожан Васильевской церкви, которые стремились перейти в юрисдикцию Поликарпа⁶⁴. Однако насколько достоверен этот документ, судить сложно, поскольку его оригинал хранится в частном архиве в Канаде. 3 августа 1943 г. Мануил будто бы донес в немецкую жандармерию о том, что священник Васильевской церкви Евгений Герштанский сотрудничает с организацией «Просвіта», которая близка к ОУН и к Поликарпу⁶⁵. Кроме того, Мануил (Тарнавский) в приписываемом ему докладе в полицию безопасности Владимира-Волынского 5 августа 1943 г. утверждал, что местные организации «Просвіта» и «Украинский церковный совет» «под прикрытием религии и образовательной деятельности ведут интенсивную агитационную работу по указаниям известного шовиниста Луцкого архиепископа Поликарпа с целью получения полной независимости Украины, которая, как сказал Поликарп, “уничтожается политически и хозяйственно немецкой оккупационной армией”»⁶⁶.

Есть большие сомнения в подлинности последних двух доносов, являвшихся внутренней документацией ОУН. Тексты написаны с грамматическими ошибками и с ошибками в церковной терминологии, что для хорошо образованного епископа Мануила было несвойственно. К сомнительным моментам следует отнести также упоминание в доносе «сторонника Поликарпа» — священника владимир-волынской Николаевской церкви Бориса Яковкевича, якобы «спасшегося бегством от немецких репрессий», который в действительности все время до отъезда с Волыни состоял в юрисдикции Автономной Церкви. Этот клирик никуда не бежал из Владимира, неотлучно находился в городе вплоть до своего первого ареста вместе с отцом после похищения епископа Мануила. Несмотря на это, в последнее время некоторые националистически настроенные исследователи широко используют указанные документы с целью дискредитации владыки Мануила и оправдания преступления, совершенного ОУН⁶⁷.

У судей ОУН в подлинности этих доносов никаких сомнений не было. В материалах дела утверждается, что епископ Мануил во время следствия якобы составил письменное заявление с признанием фактов своего сотрудничества одновременно сразу с «несколькими враждебными агентствами (?) с указанием всех подробностей»⁶⁸, которое бандеровцы пообещали обнародовать в скором времени в своей прессе, но так и не опубликовали. По итогам наскоро проведенного следствия полевой суд ОУН и революционный трибунал УПА признали Мануила виновным в «предательстве украинского народа» и враждебной (по отношению к ОУН) деятельности и потому заслуживающим смертной казни. Очевидно, проявлением враждебности к ОУН была принадлежность епископа Мануила к Украинской Автономной Церкви в юрисдикции Московского Патриархата. Под «изменой», по-видимому,

подразумевался прежде всего переход епископа Мануила из УАПЦ в Автономную Церковь, что в условиях жестокой межконфессиональной борьбы на Волыни стало серьезным ударом по позициям автокефалистов, которых поддерживали бандеровцы. Очевидно, именно в этом и состояла подлинная причина казни епископа Мануила. Решение казнить владыку соответствовало постановлению 3-й конференции ОУН (в феврале 1943 г.), по которому любая форма сотрудничества с гестапо или с «промосковскими силами» характеризовалась как «предательство Украины» и каралась смертью; при этом если сотрудничество велось «в интересах организации», то такая форма лидерами ОУН только поощрялась⁶⁹. Незадолго до похищения, 5 августа 1943 г. епископ Мануил выступил с опубликованным в прессе письменным заявлением, во многом вынужденным, с критикой деятельности «партизанских элементов», которая приводила к большим жертвам среди мирных людей. Несмотря на определенный пронемецкий характер заявления, отдельные его утверждения были справедливыми. В частности, архиерей осуждал партизан за то, что своими действиями они подставляли под удары немецких карательных отрядов мирные волынские села, и призвал украинское население Волыни «не злоупотреблять терпеливостью немецкого правительства»⁷⁰. Это заявление также могло вызвать враждебное отношение к Мануилу со стороны ОУН. Кстати, не случайно еще одно обвинение, выдвигаемое судьями ОУН в адрес Мануила, было сформулировано как «попытка подорвать доверие украинского народа к УПА»⁷¹. Возможно, поводом для такого обвинения послужило именно это последнее воззвание.

Заслуживающую внимания точку зрения высказал состоявший при Мануиле псаломщиком, а затем диаконом Успенского собора Вячеслав Ковальский, отрекшийся в 1960 г. от сана. По его утверждению, епископ Мануил, как и митрополит Алексей (Громадский), был убит по указанию главы УАПЦ Поликарпа (Сикорского). Ковальский обвинил Поликарпа в постоянных связях с руководством подполья ОУН, которые тот поддерживал в 1941–1944 гг. через своего личного водителя, сотрудника Луцко-Ковельского епархиального управления УАПЦ Афанасия Переведенчука⁷². Митрополит Мануил (Лемешевский) в комментариях к биографии Мануила (Тарнавского) подчеркивал, что похитившие последнего «люди Бандеры» были «ближайшими сторонниками Поликарпа»⁷³.

Утверждение приговора епископу Мануилу и приведение его в исполнение состоялись в условиях строгой конспирации. Место и обстоятельства казни неизвестны. В некоторых документах говорится о том, что епископа казнили «через повешение», и на этом все известия о нем обрываются. Со слов неназванных очевидцев утверждается, что владыку повесили на дереве рядом с дорогой на окраине села Зимно Владимир-Волынского района. По другим данным, его лишь удерживали в Зимно в одном из домов перед отправкой в другое, менее людное место⁷⁴. Один из активистов «мельниковского» крыла ОУН Л. Поддубный изложил следующую версию: «Православного епископа Мануила, отказавшегося переходить в бандеровскую УПА и высказавшего сомнение относительно необходимости проведения со стороны

ОУН репрессий в отношении мирных людей, бандеровцы повесили на глазах у его прихожан»⁷⁵. Однако такая версия представляется сомнительной, ведь в то время немецкая оккупационная власть еще в достаточной степени контролировала ситуацию на Волыни. Бывший иподиакон и келейник владыки Мануила священник Сергей Депо († 20 октября 2008 г.), многолетний настоятель Васильевской церкви во Владимире, говорил, что некоторое время ходили слухи, будто бы бандеровцы перевезли Мануила в свою «Сечь»⁷⁶, в урочище Вовчак между селами Мочулки и Свинарин Турийского района Волынской области, и там убили. Рассказ выглядит вполне правдоподобным, поскольку следствие и допросы по особо важным делам служба безопасности ОУН проводила или на территории вышеупомянутой «Сечи» или же поблизости, в труднодоступном лесном урочище Михайлив между селами Свинарин и Оса Турийского района, где бандеровцы еще при немецкой оккупации в обстановке строгой секретности создали для «подсудимых» в подвальном помещении «следственный изолятор», рассчитанный на несколько десятков человек⁷⁷.

Гибель владыки Мануила стала большой потерей для православия на Волыни. Как писал протоиерей Тит Яковкевич, епископ Мануил заботился о приходах, постоянно посещал отдаленные сельские храмы. Владыка был талантливым проповедником и богословом, он оставил после себя значительное (по обстоятельствам сложного времени) литературно-публицистическое наследие — более 20 статей церковно-исторического и богословского содержания. Епископ Мануил совершил путь от унии через УАПЦ к канонической Автономной Православной Церкви не ради личной выгоды и карьеры, но в поиске церковной истины. Его гибель не случайно последовала вскоре за гибелью митрополита Алексия (Громадского), они оба навлекли на себя ненависть со стороны украинских националистов и оба пострадали за верность каноническому православию. Некоторые националистически настроенные исследователи, сторонники «мельниковского» (умеренного) крыла ОУН, признают, что убийство епископа Мануила было ошибкой («перегибом»), обусловленной радикализмом лидеров «бандеровского» крыла ОУН⁷⁸.

Касаясь событий Великой Отечественной войны, в частности убийства членами ОУН митрополита Алексия (Громадского) и других духовных лиц, а также попыток героизации ОУН и УПА со стороны бывшего президента Украины В. А. Ющенко, митрополит Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан) в одном из интервью в июле 2005 г. сказал: «Что касается примирения представителей разных сторон, участвовавших в войне, то Христос Спаситель призывал быть в мире со всеми. Однако не стоит требовать братания между ветеранами Отечественной войны и теми, кто воевал в УПА. Освободителям Киева трудно примириться со смертью генерала Ватутина, погибшего от рук УПА. Можно вспомнить и о митрополите Алексии (Громадском), о других жертвах, которые никакого отношения ни к довоенным, ни к послевоенным репрессиям на Западной Украине не имели. И ветеранам УПА надо примириться сначала с этими жертвами, по крайней мере, не героизировать то, что героизации не подлежит. Прощать и примиряться необ-

ходимо — это основа евангельского закона. Однако прощение всегда следует после покаяния и осознания сделанных ошибок».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сергей (Воскресенский; 1897–1944 гг.), с марта 1941 г. митрополит Виленский и Литовский, экзарх Московского Патриархата в Латвии и Эстонии. Убит немцами 28 апреля 1944 г.
- ² Алексий (Громадский; 1882–1943 гг.), с 18 августа 1941 г. архиепископ Волынский и Кременецкий, с 8 декабря 1941 г. митрополит Волынский и Житомирский. В августе 1941 г. создал и возглавил Украинскую Автономную Церковь в каноническом единстве с Московским Патриархатом, убит бандеровцами 7 мая 1943 г.
- ³ Неоуниатский проект иезуитов, центром которого было местечко Альбертин в Слонимском повете Польши (ныне Гродненская область, Белоруссия), осуществлялся в 1924–1939 гг. Среди местного православного населения велась активная пропаганда неоунии, которая успеха не имела, к середине 1930-х гг. выявилась ее практическая безрезультатность.
- ⁴ Воспоминания жительницы Ивано-Франковска Л. В. Любинецкой († 2003 г.) о епископе Мануиле (Тарнавском) содержатся в ее письмах, хранящихся в личном архиве автора настоящей статьи.
- ⁵ Иларион (Огиенко; 1882–1972 гг.), профессор Варшавского университета, с 1940 г., после принятия монашеского пострига, епископ Холмский в юрисдикции Польской Церкви, с 1943 г. митрополит Холмский и Подляшский.
- ⁶ Феодосий (Процюк; род. в 1927 г.), митрополит Омский и Тарский, исследователь истории украинских церковных расколов XX в.
- ⁷ Дионисий (Валединский; 1876–1960 гг.), митрополит Варшавский и всяя Польши (1923–1944 гг.), в период фашистской оккупации активно сотрудничал с немецкими властями, участвовал в создании неканонической Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ).
- ⁸ *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. С. 483.
- ⁹ «Церква і народ». 1936. № 17. С. 537.
- ¹⁰ Там же. 1937. № 1–2. С. 60.
- ¹¹ Государственный архив Волынской области (далее — ГА ВО), ф. 46, оп. 9, д. 4183, л. 2.
- ¹² До українського населення // Волинь (Ровно). 1943. 8 августа.
- ¹³ Поликарп (Сикорский; 1875–1953 гг.), епископ Владимиро-Волынский, викарий Волынской-Луцкой епархии Русской Православной Церкви в 1940–1941 гг. Основал и возглавил в декабре 1941 г. неканоническую УАПЦ, с февраля 1942 г. самозванно провозглашенный «митрополит Луцкий и Ковельский».
- ¹⁴ Никанор (Абрамович; 1883–1969 гг.), неканонический «епископ Чигиринский», временно управлял Киевской епархией УАПЦ в 1942–1943 гг.
- ¹⁵ Фотий (Тимошук), неканонический «епископ Черниговский» в юрисдикции УАПЦ в 1942–1943 гг., с осени 1943 г. жил во Владимире-Волынском, в 1945 г. арестован НКВД.
- ¹⁶ *Дублянський А., свящ.* Київський собор УАПЦ // Рідна церква (Карлсруе). 1962. № 52. С. 4–5.
- ¹⁷ «Липковщина» — «самосвятская» иерархия на Украине, организована в 1921 г. лишены сана протоиереем Василием Липковским.
- ¹⁸ Игорь (Губа), неканонический «епископ Уманский» УАПЦ в 1942–1943 гг.
- ¹⁹ *Мануїл (Тарнавський), еп.* Зі спогадів про Золотоверхий // Волинь. 1942. 22 травня.

- ²⁰ Государственный архив Ровенской области (далее — ГА РО), ф. Р-280, оп. 1, д. 3 (*Мануїл (Тарнавський)*), *еп.* Лист редактуру газети «Волинь» від 22 травня 1942 року), л. 133.
- ²¹ *Феодосий (Процюк)*, *митр.* Указ. соч. С. 482–490.
- ²² *Мартирологія українських церков.* Т. 1. Торонто, 1987. С. 683.
- ²³ *Феодосий (Процюк)*, *митр.* Указ. соч. С. 484.
- ²⁴ *Дублянський А.* Київський собор УАПЦ. С. 4–5.
- ²⁵ *Феодосий (Процюк)*, *митр.* Указ. соч. С. 484. Неясно, действительно ли эти слова принадлежат епископу Мануилу (Тарнавскому).
- ²⁶ *Власовський І.* УПЦ в часі II світової війни. Мюнхен, 1946. С. 37.
- ²⁷ *Дмитрук К.* Під штандартами реакції і фашизму. Київ, 1976. С. 312.
- ²⁸ *Мануїл (Лемешевський)*, *митр.* Русские православные епископы с 1893 по 1963 г. Т. 4. Эрланген, 1986. С. 289. Е. В. Липаков пишет о решении Собора епископов Украинской Автономной Церкви от 4 августа 1942 г. о перемещении предыдущего Владимир-Волынского епископа Вениамина (Новицкого) на Полтавско-Лубенскую кафедру (*Липаков Е. В.* Вениамин (Новицкий) // *Православная энциклопедия.* Т. 8. М., 2004. С. 642). Следовательно, епископ Мануил не мог быть поставлен Владимир-Волынским епископом ранее этой даты. Однако речь идет об одном и том же дне — 22 июля/4 августа, — указанном Мануилом (Лемешевским) по старому календарному стилю, а Е. В. Липаковым — по новому стилю.
- ²⁹ Сергей (Ларин; 1908–1967 гг.), с марта 1944 г. епископ Кировоградский, викарий Одесской епархии Русской Православной Церкви, в прошлом обновленец, исследователь обновленческих и других расколов в русском православии.
- ³⁰ *Феодосий (Процюк)*, *митр.* Указ. соч. С. 484.
- ³¹ Современные украинские исследователи, относящиеся к раскольнической «Украинской православной церкви — Киевскому Патриархату», приводят свидетельство Алексия (Громадского) в письме от 15 апреля 1943 г., адресованном Дионисию (Валединскому), о том, что он с трудом убедил епископов, присутствовавших при хиротонии Мануила (Тарнавского), в необходимости совершать ее с определенными послаблениями, в рамках икономии (ссылка на копию письма, оригинал которого хранится в архиве УАПЦ в США, содержится в статье: *Борищевич В.* Трагедія Володимир-Волинського єпископа Мануїла // *Збірник науково-методичних і наукових статей історичного факультету ВДУ.* Вип. 8. Луцьк, 2003. С. 23; подлинность письма не доказана). Цитируются следующие слова митрополита Алексия: «Владыки согласились со мной, только взирая на церковную икономию; но другие епископы юрисдикции Поликарпа, получившие “посвящение” в Киеве, которые обратились бы к нам с покаянием, будут перерукоположены по полному чину». Цель подобных сообщений — скомпрометировать переход епископа Мануила в юрисдикцию Украинской Автономной Церкви, объявить полученную им в Почаевской лавре епископскую хиротонию канонически ущербной. Однако следует отметить, что за год последовавшего архиерейского служения владыки Мануила никто из православных архиереев не высказывал сомнения в каноничности его хиротонии.
- ³² Евлогий (Марковский; 1878–1951 гг.), 5 августа 1942 г. хиротонисан во епископа Винницкого и Подольского, впоследствии принадлежал к Русской Православной Церкви за границей.
- ³³ Волынский областной краеведческий музей, РА-3714, КВ-48005.
- ³⁴ *Дублянський А., свящ.* Київський собор УАПЦ. С. 5–6.
- ³⁵ Мстислав (Скрышник; 1898–1993 гг.), неканонический «епископ Переяславский» УАПЦ в 1942–1943 гг.
- ³⁶ *Українське православне слово.* Ч. 11/12. Бавнд Брук; Нью-Джерсі, 1985. Листопад-грудень, стор. 7–12.
- ³⁷ *Власовський І.* Нарис історії Української Православної Церкви. Т. 4. Ч. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 243.

- ³⁸ Иов (Кресович; 1898–1977 гг.), 6 августа 1942 г. хиротонисан во епископа Луцкого, викария Волынской епархии. В конце 1942 г. в связи с переездом в Ковель (где епископская кафедра была вакантной после перехода Иоанна (Лавриненко) в Брест) титуловался как епископ Луцкий и Ковельский, оставаясь викарием Волынско-Житомирской епархии. Решением Ковельского Собора от 6 июня 1943 г. был назначен епископом Кременецким и Дубенским с предоставлением ему прав самостоятельного архиерея в связи с гибелью митрополита Алексия (Громадского), правящего архиерея Волынско-Житомирской епархии, имевшего кафедру в Кременце.
- ³⁹ ГА ВО, ф. Р–2, оп. 1, д. 118, с. 163.
- ⁴⁰ *Феодосий (Процюк), митр.* Указ. соч. С. 484.
- ⁴¹ *Власовський І.* Нарис історії Української Православної Церкви. Т. 4. Ч. 2. С. 246.
- ⁴² *Коваль М.* На звивистих шляхах // Войовничий атеїст. 1963. № 12.
- ⁴³ Дамаскин (Малюта; 1883–1944 (?) гг.), епископ Черновицкий и Хотинский в 1940–1941 гг. Решением 2-го Почаевского Собора от 8 декабря 1941 г. назначен епископом Каменец-Подольским и Брацлавским. Решением Ковельского Собора от 6 июня 1943 г. был избран на должность «старшего епископа Волынско-Подольского округа» и возведен в сан архиепископа Волынского и Каменец-Подольского, получив звание священноархимандрита Почаевской лавры и став фактически главой Украинской Автономной Церкви.
- ⁴⁴ Иоанн (Лавриненко; 1899–1985 гг.), 9 декабря 1941 г. хиротонисан во епископа Ковельского, викария Волынской епархии. После того как Брестский епископ Венедикт (Бобковский) был переведен правящим архиереем в Белосток, назначен на его кафедру, переданную 3 марта 1942 г. в юрисдикцию Украинской Автономной Церкви, с титулом епископа Брестского и Полеского.
- ⁴⁵ Феодор (Рафальский; 1895–1955 гг.), 7 августа 1942 г. хиротонисан во епископа Таганрогского с правом управления приходами Ростовской епархии. Позже переведен на Ровенское викариатство Волынской епархии.
- ⁴⁶ Пантелеимон (Рудык; 1898 (по другим данным, 1896 или 1899 г.) – 1968 гг.), епископ Львовский и Тернопольский. В октябре 1942 г. указом архиепископа Алексия (Громадского) назначен временно управляющим Киевской епархией и представлен архиепископом Алексием в этом качестве духовенству Киева, утвержден в этой должности соборным решением от 8 декабря 1942 г.
- ⁴⁷ Свидетельства приведены по статье: *Логінов О. В.* До історії Української Автономної Православної Церкви після смерті митрополита Алексія (Громадського) // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Вип. 12. Вінниця, 2007. С. 201. Содержится ссылка на письмо протоиерея Тихона Войны епископу Феодосию (Процюку).
- ⁴⁸ Православная Русь (Ладомирова). 1943. № 7/8. С. 15.
- ⁴⁹ Там же; *Псарев А. В.* Архиепископ Леонтий Чилийский // Православная жизнь (Джорданвиль). 1996. № 4. С. 13.
- ⁵⁰ Православная Русь (Ладомирова). 1943. № 9. С. 135.
- ⁵¹ *Феодосий (Процюк), митр.* Указ. соч. С. 489–490.
- ⁵² *Яковкевич Т., прот.* Преосвященный Мануїл // Літопис Волині (Вінніпег). 1971–1972. № 11/12. С. 153.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С. 154.
- ⁵⁵ *Стецюк Г.* Непоставлений пам'ятник: (Чорні дні Волині). Вінніпег, 1988. С. 63.
- ⁵⁶ *Антоноук Я.* Діяльність служби безпеки ОУН на Волині. Луцьк, 2007. С. 55–57.
- ⁵⁷ *Феодосий (Процюк), митр.* Указ. соч. С. 489–490.
- ⁵⁸ Вироки Революційного трибуналу ОУН: За зраду – смерть! // До зброї. 1943. № 5. С. 12.
- ⁵⁹ *Яковкевич Т., прот.* Преосвященный Мануїл. С. 154.
- ⁶⁰ Геннадий (Шиприкевич; 1892–1973 гг.), неканонический «епископ Сечеславский (Днепропетровский)» юрисдикции УАПЦ в 1942–1943 гг.

- ⁶¹ *Рожко В.* Нарис історії Української Православної Церкви на Волині (870–2000). Луцьк, 2001. С. 494.
- ⁶² ГА ВО, ф. Р–1021, оп. 1, д. 5, л. 96. Копии сообщения опубликованы в изданиях: Літопис УПА. Нова серія Т. 2. Волинь і Полісся: УПА та запілля. 1943–1944. Документи і матеріали. Київ; Торонто, 1999. С. 80–81; ОУН і УПА в 1943 році: Документи / НАН України. Інститут історії України. Київ, 2008. С. 247–248.
- ⁶³ Літопис УПА. Нова серія. Т. 1. Видання Головного Командування УПА. Київ; Торонто, 1995. С. 106–107.
- ⁶⁴ Літопис УПА. Т. 2. Волинь і Полісся. Торонто, 1990. С. 175.
- ⁶⁵ Центральный государственный архив высших органов государственной власти Украины, ф. 3833, оп. 1, д. 90, л. 15.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ *Гридина И.* Православные верующие Украины в годы Второй мировой войны. Донецк, 2006. С. 146; *Волошин Ю.* Українська Православна Церква в роки нацистської окупації (1941–1943). Полтава, 1997. С. 116–117; *Кучерук О.* «Винний у зраді»: Хто і за що вбив єпископа Мануїла (Тарнавського) у вересні 1943 року // Українське слово. 2006. № 14/15; *Сергійчук В.* Боротьба за волю, а не коляборація. Ч. 2 // Визвольний шлях. Кн. 4. Лондон, 2001. С. 45; *Губар А.* Духовенство Московської Патріархії в Україні на службі у Гітлера: 1941–1944 роки. Київ, 1999.
- ⁶⁸ ОУН і УПА в 1943 році: Документи. С. 247–248.
- ⁶⁹ *Шайкан В. О.* Колаборацізм на території рейхскомісаріату Україна в період II світової війни. Кривий Ріг, 2005. С. 127–159.
- ⁷⁰ Оккупационные газеты: Ковельські вісті. 1943. 5 августа; Волинь. 1943. 8 августа.
- ⁷¹ ОУН і УПА в 1943 році: Документи. С. 247–248.
- ⁷² Прозріння: Збірник розповідей колишніх віруючих. Львів, 1968. С. 9–10.
- ⁷³ *Мануїл (Лемешевский), митр.* Указ. соч. С. 289.
- ⁷⁴ *Стецюк Г.* Непоставлений пам'ятник. С. 63; Электронный ресурс: zustrich.quebec-ukraine.com/lib/steciuk/steciuk_23.htm
- ⁷⁵ *Поддубный Л.* Судьба на крови: Свидетельства, документы, факты (перевод с украинского) // Столичные новости. 2007. № 25–33.
- ⁷⁶ Сечь («Січ», или «Постій») — самоназвание бандеровцами одной из их крупнейших укрепленных военных баз в Турийском районе на Волини, по аналогии с Запорожской Сечью.
- ⁷⁷ *Антошок Я.* Діяльність служби безпеки ОУН на Волині. Луцьк, 2007. С. 78.
- ⁷⁸ *Каркоць-Вовк М.* Від Вороніжа до легіону самооборони. Міннеаполіс, 1995. С. 10; *Стецюк Г.* Непоставлений пам'ятник. С. 63; *Поддубный Л.* Командир «армии бессмертных»: Правда и вымысел (перевод с украинского). Киев, Ровно, 2007; *он же.* Судьба на крови...